

*Грузинов Иван Ильич,
аспирант ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова*

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОНЦЕПЦИИ «КИТАЙСКОЙ МЕЧТЫ»

Аннотация. Сейчас Китайская Народная Республика (КНР) управляется при помощи социально-политического курса под названием «Китайская мечта о великом возрождении китайской нации». Вопрос характера внешней политики КНР при пятом поколении руководителей остается дискуссионным: с одной стороны, очевидно проведение так называемой политики «мягкой силы», с другой — заметны тенденции и к проявлению «жесткой силы». С 2012 г. КНР в сравнении с предыдущими периодами расходует куда больше ресурсов на утверждение собственной позиции в мире. Следствием этого стало то, что Китай начинает заявлять о себе как о региональном гегемоне.

В докладе предпринята попытка осветить основные направления внешней политики, реализуемой пятым поколением руководителей КНР под лозунгом «китайская мечта».

Ключевые слова: КНР, «китайская мечта», внешняя политика, мягкая сила, жесткая сила, один пояс и один путь

Официальный социально-политический курс, которым сейчас следует Китайская Народная Республика (КНР), называется «Китайская мечта о великом возрождении китайской нации», или, в более краткой и распространенной формулировке, «китайская мечта». Впервые этот термин был озвучен в конце 2012 г. Си Цзиньпином,

лидером т.н. пятого поколения руководителей, и уже в ноябре 2013 г. был дан старт процессу проведения реформ в Китае, связанных с новой концепцией.

Вопрос характера внешней политики КНР при пятом поколении руководителей остается дискуссионным: с одной стороны, очевидно проведение т.н. политики «мягкой силы», с другой — заметны тенденции и к проявлению «жесткой силы». В определенной мере неясна и степень возможного проникновения и влияния концепции на отношения с другими государствами: еще недавно китайские политики утверждали, что «“китайская мечта” и (лучшие) мечтания всех народов мира взаимно соприкасаются для взаимного выигрыша и сотрудничества, а также для общемирового развития»¹. Из заявлений такого рода выводилось положение о том, что «китайская мечта» должна послужить делу развития не просто других стран и народов, но всего человечества, и нужна всем людям. Однако сейчас подобная полемика снята с повестки дня, и, по всей видимости, на главную роль во внешнеполитическом аспекте выдвинута не собственно «китайская мечта», а отдельные её компоненты или связанные проекты.

Вне зависимости от будущего «китайской мечты» как управленческого принципа, на этапе формирования внешнеполитического компонента концепции утверждались следующие принципы: «китайская мечта» имеет направленность на «мирное возвышение», «мирное развитие», оборонительную внешнюю политику, отказ от участия в гонке вооружений. К этому можно добавить, что осуществление «китайской мечты», согласно официальным заявлениям, должно принести счастье не только китайцам, но и народам всех стран². Для реализации внешнеполитического аспекта «китайской мечты» предполагается «развивать <...> в международных отношениях дух равноправия, взаимодоверия, всеобъемлемости и взаимозаимствования, сотрудничества и совместного выигрыша»³. Тезисы строения внешней политики КНР, помимо недостаточно подробного упоминания в речи на 1-й сессии ВСНП в марте 2013 г., были объяснены в другом выступлении Си Цзиньпина: по его словам, пережитые китайским народом иностранная агрессия и внутренние конфликты показали важность мирной обстановки для развития государства⁴.

КНР в последние годы расходует больше ресурсов на утверждение собственной позиции в мире. Здесь уместно указать не только на достаточно очевидные тенденции вроде сильно активизировавшегося распространения продукции китайских предприятий и примеры инвестирования средств китайских предпринимателей в западные компании. Также продолжается работа по созданию во всем мире институтов Конфуция, которые занимаются популяризацией китайского языка и культуры, проводятся различные конференции. Стоит отметить и проведение специфических «массовых движений», когда дипломаты и проправительственные ученые выступают с различными заявлениями и сообщениями в западных СМИ, разъясняя правительственный курс. Одно из наиболее заметных таких мероприятий имело место в январе 2014 г., когда более сорока известных дипломатических служащих подали жалобы в СМИ по всему миру в связи с посещением премьер-министром Японии Синдзо Абэ храма Ясукуни. Контекст ситуации говорит о том, что в рамках этой кампании в определенной степени были задействованы националистические настроения. Однако, согласно официальным заявлениям руководителей КНР, концепция «китайской мечты» лишена всякого националистического подтекста, отрицает всякую ксенофобию⁵. Впрочем, эти позиции тоже могут показаться спорными: идея о возрождении нации достаточно четко указывает на то, что национальность (в более широком смысле, нежели этническая принадлежность) для «китайской мечты» стоит далеко не на последнем месте. Относительно новым веянием в китайских международных отношениях вообще и в концепции «мягкой силы» в частности стала популяризация (или, вернее, изменение роли и места) Пэн Лиюань, супруги главы КНР и КПК. Она неоднократно проявляла активность в китайской внешней политике, что может быть проиллюстрировано фокусированием внимания американских СМИ не только на встречах Си Цзиньпина и Барака Обамы, но и на контактах их жен.

Несмотря на активное применение «мягкой силы», сложно не заметить, что после вступления Си Цзиньпина в должность сильно увеличилась роль НОАК. Согласно последним реформам и заявлениям, КНР явно нацелена на создание боеспособной армии. В начале 2015 г. Си Цзиньпин встречался с представителями различных

родов войск на конференции, посвященной вопросам внешней политики, где уделил внимание вопросам «новой позиции военной дипломатии в системе государственной дипломатии и поступательно-му укреплению общих положений стратегии безопасности»⁶. При этом в начале 2013 г. Си Цзиньпин говорил, что КНР будет «решительно идти по пути мирного развития, но категорически не станет отказываться от наших законных прав и интересов и не будет жертвовать коренными интересами государства <...> ни у кого не может быть ни малейшей надежды на то, что мы вкусим горькие плоды ущемления суверенитета, безопасности и интересов развития государства»⁷. Указанные тенденции, во-первых, являются индикаторами неудовлетворенности Китаем своей нынешней ролью в системе международных отношений, и, во-вторых, могут быть сигналом о готовности Поднебесной «защищать свои коренные интересы» — или при помощи «жесткой силы» устанавливать контроль над спорными территориями⁸.

Такая направленность на «защиту коренных интересов страны» была явно продемонстрирована в ряде инцидентов в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях на фоне неутрачиваемых конфликтов из-за островов Дяоюйдао (Сэнкаку), Спратли и прочих.

После прихода к власти Си Цзиньпина внешняя политика Пекина претерпела значительные изменения: она стала более напористой. Тогда же Китай начал печатать новые карты своей территории, где острова Южно-Китайского моря были четко маркированы как территория КНР. Несколько миллионов квадратных километров акватории, которые большинством стран региона признавались нейтральными, Китай обозначил как неотъемлемую часть своей территории. Это означало не только суверенитет Китая над нефтяным шельфом Южно-Китайского моря, но и контроль над всеми коммуникациями между всеми странами региона. Этот суверенитет над Южно-Китайским морем, который уже окрестили «девятью пунктирами» по числу пунктирных линий китайских морских границ, не только привяжет все страны АСЕАН к Китаю, но и станет преградой, парализующей международную активность Японии, Индии и США.

Обострение отношений вокруг спорных территорий произошло в начале 2014 г., когда пограничники КНР впервые за долгое время

применили силу в отношении филиппинских рыбаков в водах, которые Пекин считает своими (более-менее активно претензии на острова и архипелаги в Южно-Китайском море КНР предъявляла и ранее, в том числе в середине XX в.⁹). Тогда же в зоне конфликта находились авианосец «Ляонин» и два эсминца, которые, согласно официальной формулировке, выполняли научно-исследовательскую миссию. Затем власти КНР отправили к спорным островам промышленный транспорт и начали проведение исследовательских работ, связанных с размещением на спорных территориях китайской буровой платформы.

Эти территориальные претензии были связаны с, пожалуй, важнейшим внешнеполитическим и экономическим проектом концепции «китайской мечты»: возрождение идеи Шелкового пути, которая разделяется на два субпроекта — Экономическая зона Великого шелкового пути (ЭЗВШП) и Морской шелковый путь XXI века (МШП); оба они упоминаются под названием «один пояс, один путь».

Впервые идея «возрождения» Шелкового пути прозвучала в сентябре 2013 г., когда Си Цзиньпин предложил объединить усилия и создать экономическую зону, способствуя постепенному формированию крупномасштабного регионального сотрудничества¹⁰. Новый экономический коридор вдоль протяжения «старого» Шелкового пути, согласно озвученным планам, являлся скорее группой идей и инициатив, а не комплексом поставленных задач. Этим объясняется то, что у нового Шелкового пути нет четких географических рамок, в том числе отправных и конечных пунктов — таким образом, в него могут быть включены многие территории: в совокупности предполагалось объединить в зоне «экономического соразвития» около двух десятков государств, и сейчас количество заинтересованных сторон продолжает увеличиваться.

Через месяц после выдвижения идеи создания Экономической зоны Великого шелкового пути Си Цзиньпин предложил еще одну стратегическую концепцию — концепцию Морского шелкового пути XXI века, которая также является «возрождением» древнего проекта. О важности МШП (возможно, уместно сказать о преобладающей важности) говорят и цифры: торговля КНР со странами Центральной Азии достигла примерно 40 млрд долл., а со странами

АСЕАН, где действует зона свободной торговли и, собственно, и пролегал МШП, ежегодный объем торговли превысил 400 млрд долл.¹¹ Весьма активное подчинение зоны МШП интересам Китая и её охрана Поднебесной, иллюстрацией чему являются действия войск КНР в Южно-Китайском море, описанные выше, говорит о том, что Китай на самом деле стремится контролировать территории, через которые планируется вести транспортировку грузов. И, вероятно, в ближайшее время более активные действия со стороны КНР можно будет наблюдать и в нестабильных странах Центральной Азии. Впрочем, по мнению некоторых исследователей, Китай уже сейчас пытается усилить своё влияние в даже относительно или полностью стабильных регионах через использование «мягкой силы»¹². Примером тому может послужить вывод, который сделан на основании данных о миграции городского ханьского населения во Внутреннюю Монголию, — дальнейшая экспансия может распространиться и на Монголию внешнюю, на данный момент обладающую собственной государственностью. При этом не стоит забывать, что чуть более века назад и «внешние» земли Монголии были подчинены Цинской империи, а поэтому такого рода присоединение территорий (при этом юридический аспект уже не столь важен) будет со стороны выглядеть восстановлением «исторической справедливости» и «возрождением».

КНР также активно создает инфраструктуру, в том числе и транспортную, в прочих странах региона. Такая политика является некоторым «переосмыслением» уже практиковавшегося в 50—60-е гг. XX в. подхода по переносу границ во время строительства каких бы то ни было объектов в периферийных районах¹³. Важна роль Китая в развитии Афганистана и прочих стран, где прокладываются и дороги, и трубопроводы и куда также двигаются людские потоки. Вероятнее всего, это явления одного и того же порядка: КНР пытается упрочить своё влияние как в сопредельных государствах, так и в некоторых государствах других регионов, например, в Африке, сделать их в определенной степени зависимыми в экономическом отношении. Подобные инфраструктурные проекты были декларированы как элемент концепции ЭВШП еще в 2013 г., когда Си Цзиньпин призвал создать единую дорожную сеть (среди прочих

пунктов программы действий также обозначено политическое, дипломатическое и экономическое сотрудничество)¹⁴. На этом фоне закономерно выглядит включение России в концепцию ЭЗВШП и увеличение влияния Китая на страны бывшего СССР.

Важность и своевременность развития идея ЭЗВШП и МШП вполне очевидна: эта общая концепция позволит Китаю при большем контроле со своей стороны более выгодно продавать свои товары и контролировать товарооборот в регионе, ведь сейчас основные торговые пути, по которым в КНР поставляются в том числе энергоносители, пролегают как раз недалеко от южных границ Поднебесной.

Всё это вкупе дает Китаю уникальные возможности для утверждения себя в роли как минимум регионального лидера. Впрочем, сейчас конкуренцию КНР составляет и будет составлять Индия. Периодически усиливающиеся давление в пограничных зонах между двумя государствами и своеобразное «перетягивание» стран региона на позиции собственных союзников, вероятно, будет продолжаться еще долгое время, что станет дополнительным внешним вызовом для КНР.

Еще одним вероятным внешнеполитическим аспектом концепции «китайской мечты», далеко не последним по значению, является идея о возрождении Китая с географической точки зрения. Под этим подразумевается объединение (воссоединение) КНР и Тайваня. Конечно, многочисленные вопросы, связанные с этим проектом, остаются дискуссионными. На данный момент, согласно официальным сообщениям, Си Цзиньпин придерживается политики «одна страна — два строя» в вопросах объединения (и, соответственно, возрождения) Китая; однако тут же подчеркивается, что сама идея объединения страны относится уже к концепции «китайской мечты» и реализуется под этой эгидой. Такой синтез и своеобразная «передача» концептов в состав новой управленческой идеи объясняется как традиционной формой идеологического развития страны, так и тем, что Китай использует все возможные формы влияния для того, чтобы на легальных основаниях выйти за пределы существующих на данный момент фактических границ и в потенциале вернуть свои прежние владения.

Примечания

¹ Подборка рассуждений Си Цзиньпина об осуществлении китайской мечты о великом возрождении китайской нации. Сост. кабинетом ЦК КПК по изуч. док-тов. Пекин: Чжунъян вэньсянь чубаньшэ, 2013. С. 3, 35.

² Там же. С. 212—213.

³ Китайская мечта и мир / под ред.: Хуан Хуагуна и Луань Цзяньчжана. Пекин: Изд-во лит-ры на ин. языках, 2014. С. X.

⁴ Кузнецов Д.В. Концепция «китайской мечты» и национальное возрождение Китая // Совр. Китай в условиях трансформации / отв. ред. Д.В. Кузнецов, Д.В. Буяров. М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 212—213.

⁵ Ломанов А.В. «Мечта о великом возрождении» и политика руководства Китая // Китай на пути к возрождению. К 80-летию М.Л. Титаренко. М.: ИД «ФОРУМ», 2014. С. 22—24.

⁶ Внешнеполитическая стратегия концепции Си Цзиньпина «китайская мечта» // Наньфэнчуан. URL: <http://www.nfcmag.com/article/5367.html?toPc=1> (дата обращения: 29.12.2015).

⁷ Цит. по: Тавровский Ю.В. Си Цзиньпин: По ступеням китайской мечты. М.: ЭКСМО, 2015. С. 161.

⁸ Манукян Ж. Си Цзиньпин заявил, что Китай создаст «армию, способную побеждать» // РИА новости URL: <https://ria.ru/world/20160701/1455568468.html> (дата обращения: 22.09.2016).

⁹ Степанов Е.Д. Пограничная политика КНР: стратегические цели и тактические приемы. М.: ИДВ АН СССР, 1986. С. 116.

¹⁰ Лукин А.В. Идея «экономического пояса шелкового пути» и евразийская интеграция. С. 225; Ли Юнцюань: Идея создания экономической зоны Шелкового пути // Жэньминьван. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8401343.html> (дата обращения: 12.12.2015).

¹¹ Тавровский Ю.В. Шелковый путь возвращается на карту мира // Независимая газета. URL: http://www.ng.ru/courier/2014-09-01/9_silkroad.html (дата обращения: 02.05.2015).

¹² Каплан Р. Месть географии. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2015. С. 214—215.

¹³ Степанов Е.Д. Пограничная политика КНР. С. 113—118.

¹⁴ Лукин А.В. Идея «экономического пояса шелкового пути» и евразийская интеграция. С. 237.